

Самовлюбленно,
раздражающе...
и завораживающе!

Independent

КАРЛ
УВЕ
КНАУСГОР
ЮНОСТЬ

МОЯ БОРЬБА [4]

18+

Карл Уве Кнаусгор

ЮНОСТЬ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ
автобиографического цикла
МОЯ БОРЬБА

перевод с норвежского Анастасии Наумовой

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
СИНДБАД
Москва 2022

18+

Karl Ove Knausgård
MIN KAMP. TREDJE BOK

Copyright © Karl Ove Knausgaard, 2010

First published with the title *Min Kamp Fjerde bok* in Norway by Forlaget October, Oslo in 2010

Published in the Russian language by arrangement with *The Wylie Agency*

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2022

Перевод с норвежского Анастасии Наумовой

Фото на обложке © Sam Barker

Кнаусгор К. У.

Моя борьба. Книга четвертая. Юность / Карл Уве Кнаусгор ; [пер. с норв. А. Наумова]. — М.: Синдбад, 2022.

ISBN 978-5-00131-419-6

Четвертая книга монументального автобиографического цикла Карла Уве Кнаусгора «Моя борьба» рассказывает о юности главного героя и начале его писательского пути.

Карлу Уве восемнадцать, он только что окончил гимназию, но получать высшее образование не намерен. Он хочет писать. В голове клубится множество замыслов, они так и рвутся на бумагу. Но, чтобы посвятить себя этому занятию, нужны деньги и свободное время. Он устраивается школьным учителем в маленькую рыбацкую деревню на севере Норвегии. Работа не очень ему нравится, деревенская атмосфера — еще меньше. Зато его окружает невероятной красоты природа, от которой захватывает дух. Поначалу все складывается неплохо: он сочиняет несколько новелл, его уважают местные парни, он популярен у девушек. Но когда окрестности накрывает полярная тьма, сводя доступное пространство к единственной деревенской улице, в душе героя воцаряется мрак. В надежде вернуть утраченное вдохновение он все чаще пьет с местными рыбаками, чтобы однажды с ужасом обнаружить у себя провалы в памяти — первый признак алкоголизма, стубившего его отца. А на краю сознания все чаще и назойливее возникает соблазнительный образ влюбленной в Карла-Уве ученицы...

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Корпус Права»
Korpus Prava

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство «Синдбад», 2022.

Часть V

Мои чемоданы медленно ехали по ленте в зале прилетов. Чемоданы были старые, конца шестидесятых. Я нашел их в сарае среди маминых вещей, когда мы переезжали, за день до того, как перевозчики пригнали фургон, и забрал себе. Они подходили мне, были в моем стиле, меня подкупила их несовременность, необтекаемость формы.

Я затушил сигарету в пепельнице-столбике возле стены, подхватил чемоданы с ленты и вынес их на улицу.

Было без пяти семь.

Я опять закурил. Спешить было некуда, я никуда не опаздывал и меня никто не ждал.

Небо затянуло тучами, но воздух был сухой и прозрачный. Словно высоко в горах, хотя аэропорт у меня за спиной располагался всего в нескольких метрах над уровнем моря. Деревья, которые мне удалось разглядеть, стояли низенькие и скрюченные. Картину довершали заснеженные горные вершины.

Прямо передо мной пассажиры быстро заполняли идущий в город автобус.

Сесть в него?

Денег, которые мне так неохотно перед поездкой дал взаймы отец, должно было хватить на месяц, до первой моей зарплаты. С другой стороны, где располагается студенческое общежитие, я не представлял, а начинать новую жизнь, мыкаясь по незнакомому городу с двумя чемоданами и рюкзаком — идея так себе.

Нет, возьму-ка такси.

Вечером я сбегал в закусную неподалеку и съел две сосиски, покоившиеся в миске среди картофельного пюре, а остаток времени провел в общежитии — подложив под спину свернутое одеяло, я слушал музыку в плеере и писал письма Хильде, Эйрику и Ларсу. Я начал писать и Лине — девушке,

с которой мы тем летом встречались, — но, написав страницу, отложил в сторону, разделся и выключил свет, хотя особой разницы не заметил: летняя ночь была светлой и оранжевая штора горела, словно глаз.

Обычно я с легкостью засыпал в любой обстановке, но в ту ночь лежал без сна. Через четыре дня наступит мой первый рабочий день. Всего четыре дня — и я войду в школьный класс в маленьком прибрежном поселке в Северной Норвегии, в местечке, где я никогда не бывал, о котором ничего не знал и которого даже на фотографиях не видел.

Я!

Едва окончившему гимназию, едва покинувшему родной дом восемнадцатилетнему уроженцу Кристиансанна, чей опыт работы ограничивался парой вечеров и выходных на паркетной фабрике, несколькими статьями в местной газете и месяцем в психиатрической лечебнице, предстояло взять на себя классное руководство в хофьордской школе.

Нет, спать не получалось.

Каким я покажусь ученикам?

Что мне сказать им, когда я в первый раз войду в класс, а они будут сидеть за партами?

А остальные учителя — они что обо мне подумают?

В коридоре открылась дверь, оттуда слышались музыка и голоса. Там кто-то прошел, напевая себе под нос. «*Hey, shut the door*»¹ — донеслось из коридора. Дверь захлопнулась, закупорив звуки внутри. Я перевернулся на другой бок. Странное ощущение, что за окном светлая ночь, сна не добавляло. А когда мысль о том, что мне не спится, оформилась в голове, заснуть стало решительно невозможно.

Я поднялся, оделся и, сев в кресло перед окном, взялся читать. «Холостой пробег» Эрлинга Йелсвика.

Во всех книгах, которые мне нравились, говорилось, по сути, об одном и том же. «Белые негры» Ингвара Амбьёрнсена, «Битлы» Ларса Соби Кристенсена, «Джек» Ульфа Линделла, «На дороге» Джека Керуака, «Последний поворот на Бруклин»

Хьюберта Селби, «Роман с кокаином» М. Агеева, «Колосс» Финна Алнэса, «Лассо вокруг госпожи Луны» Агнара Мюкле, трилогия Йенса Бьёрнебу про историю скотства, «Джентльмен» Класа Эстергрена, «Икар» Акселя Йенсена, «Над пропастью во ржи» Дж. Д. Сэлинджера, «Хмельные сердца» Улы Бауэра, «Почтамт» Чарльза Буковски. Книги о молодых мужчинах, не находящих себе места в обществе, не желающих ограничиваться заведенным порядком, заикливаться на семье, короче говоря, о молодых мужчинах, презирующих буржуазность и жаждущих свободы. Они путешествуют, они напиваются, они читают и мечтают о великой любви или о великом романе.

Всего, чего им хотелось, хотелось и мне.

Обо всем, о чем они мечтали, мечтал и я.

Великая тоска, вечно точившая меня изнутри, исчезала, когда я читал эти книги, и стоило мне отложить их, как она тотчас же возвращалась. Так было все время, что я провел в училище. Я ненавидел авторитеты, выступал против обтекаемости того общества, в котором вырос, — с его буржуазными ценностями и материалистическими взглядами. То, чему нас учили, вызывало у меня отвращение, даже литература; все, что мне требовалось знать, настоящее знание, единственно нужное, было заключено в книгах, которые я читал, и музыке, которую слушал. Ни деньги, ни статус меня не интересовали, я знал, что главное в жизни в чем-то другом. Мне не хотелось учиться, не хотелось получать образование в традиционном заведении — университете, к примеру; меня тянуло путешествовать по Европе, ночуя на пляжах, в дешевых гостиницах, у друзей, которые появятся у меня по пути. Я подрабатывал бы, мыл в отелях тарелки, загружал или разгружал баржи, собирал апельсины... Той весной я купил книгу со списком всех мыслимых и немыслимых работ, которые можно найти в разных европейских странах. Но венцом всего должен был стать роман. Я сидел бы в какой-нибудь испанской деревушке и писал, потом поехал бы в Памплону бегать от быков, оттуда — в Грецию, на какой-нибудь остров, и там

тоже писал бы, а спустя год или два вернулся бы в Норвегию с романом в рюкзаке.

Такой был у меня план. Поэтому я, в отличие от многих однокашников, не пошел по окончании учебы в армию и не поступил в университет, как все остальные, а отправился на Кристиансаннскую биржу труда и попросил список всех вакансий в Северной Норвегии.

— Ты, Карл Уве, значит, учителем решил заделаться? — спрашивали меня в конце лета.

— Нет, — отвечал я, — я стану писателем. Но пока мне надо на что-то жить. Я там поработаю с год, скоплю денег и поеду путешествовать по Европе.

Теперь это была не идея у меня в голове, а действительность, внутри которой находился я сам: завтра я сойду на причал в Тромсё, сяду на катер до Финнснеса, а дальше автобусом на юг, в крохотную деревушку Хофьорд, где меня обещался встретить школьный завхоз.

Нет, спать не получалось.

Я достал из чемодана бутылку виски, принес из ванной стакан, налил, отдернул штору и сделал первый, пробирающий до дрожи глоток, глядя на залитые удивительным светом дома.

На следующее утро, когда я проснулся около десяти, тревога отступила. Я сложил вещи, вызвал из автомата в лобби такси, вынес чемоданы на улицу, ждал и курил. Я впервые в жизни ехал куда-то, откуда не надо возвращаться назад. Никакого «назад» больше не существовало, так что и возвращаться было некуда. Мама продала дом и переехала в Фёрде. Отец с новой женой жили в Северной Норвегии. Ингве переселился в Берген. А я — я был на пути к своей первой собственной квартире. На пути к собственной работе, на которой смогу зарабатывать собственные деньги. Я впервые стал хозяином всех составляющих моей жизни.

Ох, как же это было охрененно!

Когда подъехало такси, я бросил на землю окурок, придавил его ногой и закинул чемоданы в багажник — его открыл таксист, пожилой коренастый мужчина с седыми волосами и золотой цепочкой на шее.

— На причал, — сказал я, усаживаясь на заднее сиденье.

— Причал большой, — он повернулся ко мне.

— Мне до Финнснеса. Мне надо на катер.

— Ясно, сделаем в лучшем виде. — Машина тронулась. — Ты туда в училище? — спросил он.

— Нет, — ответил я, — мне дальше, в Хофьорд.

— Вон оно чего. Рыбачить? Хотя нет, ты явно не рыбак!

— Я туда учителем работать еду.

— А, ну да. Ну да. Вы, южане, часто туда за этим ездите. Но ты же такой молодой, не? Туда же с восемнадцати принимают, не? — Он засмеялся и посмотрел на меня в зеркальце.

Я тоже рассмеялся.

— Я этим летом гимназию закончил. Наверное, это лучше, чем совсем ничего.

— Да, похоже, что так, — сказал он, — но ты про детей подумай тамошних. Учителя у них — вчерашние гимназисты. Каждый год новые. Неудивительно, что молодежь после девятого класса сплошь идет по рыболовецкой части!

— Да, — согласился я, — но я-то не виноват.

— Да ну, при чем тут — виноват, не виноват! Про виноват вообще речи не идет! Рыбу, знаешь ли, ловить намного приятнее, чем учиться! Чем сидеть и зубрить, пока тридцатник не стукнет.

— Я учиться не собираюсь.

— Зато учить будешь! — Он опять посмотрел на меня в зеркало.

— Да, — ответил я.

Несколько минут мы молчали. Потом он отпустил рычаг переключения передач и показал рукой вперед:

— Вон он, катер твой.

Он притормозил возле паромного терминала и, поставив на землю чемоданы, захлопнул багажник. Я протянул ему

деньги. Как сказать про сдачу, я не знал и всю дорогу мучился этим вопросом, но теперь сказал лишь, чтобы он оставил сдачу себе, — этим все и решилось.

— Спасибо! — поблагодарил он, — и удачи!

Поездка обошлась в пятьдесят крон.

Когда он выехал на дорогу, я пересчитал оставшиеся деньги. Не густо, но на месте наверняка можно будет получить аванс, они же понимают, что пока я не начну работать, денег у меня не будет?

Финнснес с его единственной главной улицей и множеством незамысловатых, построенных, по всей видимости, на скорую руку, зданий, с суровой горной грядой вдали, походил на небольшой городок на Аляске или в Канаде — это сравнение пришло ко мне спустя несколько часов, когда я пил в кондитерской кофе в ожидании автобуса. Ни о каком центре города говорить не приходилось — городок был такой крошечный, что целиком мог считаться центром. Атмосфера тоже отличалась от знакомых мне городов: во-первых, оттого что Финнснес был намного меньше, а во-вторых, потому что здесь никто и не пытался навести красоту или уют. У большинства городов имеются фасад и задворки, а тут никакой разницы не наблюдалось.

Я пролистал купленные в ближайшем магазинчике книжки. Одна называлась «Чистая вода» авторства неизвестного мне Роя Якобсена, а другая — «Горчичный легион» Мортена Йоргенсена. Он еще играл в разных музыкальных группах из тех, которые я слушал пару лет назад. Тратить на них деньги было, пожалуй, недальновидно, но я готовился стать писателем: куда ж без чтения; надо, например, знать, на кого ориентироваться; смогу ли я написать так же? — крутилось у меня в голове, пока я листал книги.

Пора было спешить на автобус, я покурил напоследок, положил чемоданы в багажник, заплатил водителю и попросил его предупредить, когда приедем в Хофьорд. В автобусе

я прошел назад и сел на предпоследнее сиденье слева — сколько себя помню, я всегда любил это место.

По диагонали от меня, через проход, сидела симпатичная блондинка, на год или на два младше меня. На сиденье у нее лежал ранец, и я решил, что она учится в гимназии в Финнсенесе и вот возвращается домой. Она посмотрела на меня, когда я вошел в автобус, а когда водитель завел автобус и тот, подпрыгивая на колдобинах, покатил прочь с остановки, она обернулась и снова взглянула на меня. Смотрела она недолго, бросила лишь стремительный взгляд, но этого оказалось достаточно, чтобы у меня случился стояк.

Я надел наушники и вставил в плеер кассету. *The Smiths*, «*The Queen is Dead*». Чтобы не казаться назойливым, следующие километры я упорно пялился в окно и подавлял в себе малейшее желание взглянуть в ее сторону. Центр остался позади, и за окном на несколько километров потянулся жилой массив, где вышла половина пассажиров, а затем начался совершенно прямой участок шоссе, длинный и пустынный.

Если небо над Финнсенесом было бесцветным и заливало город под ним равнодушным бледным светом, то здесь небесная синева была ярче и глубже, а солнце, висевшее на юго-западе, над горами, чьи невысокие, но крутые склоны на всем пути загорали раскинувшееся за ними море, золотило красноватые, кое-где почти лиловые кустики вереска. Росли здесь лишь кривоватые сосны и карликовые березы. Горы с моей стороны, низкие и зеленоватые, к которым льнула долина, больше походили на холмы, зато с другой, несмотря на скромную высоту, выглядели дикими, крутыми и отвесными.

Вокруг не было ни одной живой души, ни единого дома.

Но я приехал сюда не для того, чтобы смотреть на людей, — я приехал, чтобы обрести покой и заняться писательским трудом.

При мысли об этом меня пронзила радость.

Я двигался к цели, двигался к цели.

Спустя пару часов, по-прежнему в коконе музыки, я разглядел далеко впереди дорожный указатель. По длине слова

я предположил, что на нем написано «Хофьорд». Указатель упирался прямо в гору с прорубленной в ней сквозной пещерой, лишь отчасти похожей на туннель. Стены в нем остались в том же виде, в каком были, когда взрывали породу, а освещения внутри не имелось. Сверху капала вода, да в таких количествах, что водитель включил «дворники». Когда мы выехали с противоположной стороны, я ахнул. Между двумя длинными рваными грядами гор, голых и крутых, вился узенький фьорд, а за ним плоской равниной синело море.

Ох ты!

Дорога, по которой ехал автобус, шла вдоль горы. Чтобы лучше рассмотреть пейзаж, я встал и перешел на другой ряд. Краем глаза я заметил, как блондинка обернулась и, увидев, как я стою, прижавшись лицом к стеклу, заулыбалась. Внизу, возле скал, с противоположной стороны фьорда, виднелся маленький остров, застроенный домами с внутренней стороны и пустынный с внешней, — по крайней мере, так казалось с моего места. Я разглядел пирс и гавань с рыбацкими лодочками. Горы уходили дальше в море примерно на километр. Склоны кое-где поросли зеленью, но ближе к устью фьорда были голыми и серыми и обрывались прямо в море.

Автобус нырнул в следующий пещероподобный туннель. По другую сторону туннеля, в долине с относительно пологими, напоминающими чашу склонами, раскинулась деревня, где мне предстояло провести следующий год.

Господи.

Как же потрясающе!

Большинство домов выстроились вдоль дороги, крутой дугой обходившей деревню. Внизу, возле причала, располагалось индустриального облика строение — видимо, рыбоприемник. Перед ним теснились лодки. В конце дуги стояла часовня. Сверху я разглядел ряд домов, а за ними — кусты, и вереск, и карликовые березы, а дальше долина заканчивалась, с обеих сторон упираясь в горы.

А больше ничего не было.

Хотя нет — там, где верхняя часть дуги встречалась с нижней, рядом с туннелем, стояли два больших здания. Судя по всему, школа.

— Хофьорд! — объявил водитель. Спрятав в карман наушники, я направился к выходу. Водитель спустился за мной и открыл дверцу багажника. Я поблагодарил за поездку, он, не улыбнувшись, ответил, что не стоит благодарности, запрыгнул обратно, и вскоре автобус уже развернулся и скрылся в туннеле.

С чемоданами в руках и рюкзаком за спиной я поглядел сперва на дорогу, ведущую наверх, потом — на другую, вниз, высматривая завхоза и втягивая носом прохладный, полный соли воздух.

В доме возле автобусной остановки открылась дверь, и на крыльце показался невысокий человечек в футболке и спортивных штанах. Судя по тому, что он направился ко мне, это и был тот, кто мне нужен.

Не считая жиденького венка волос за ушами, он был совершенно лысым. Лицо казалось добрым, черты — крупные, какие бывают у людей за пятьдесят, но глаза за стеклами очков были маленькими и колючими. Его взгляд словно не вязался с остальной внешностью — это я понял, когда он подошел.

— Кнауусгор? — отводя взгляд, он протянул мне руку.

— Да. — Я пожал ему руку. Маленькую, сухую и напоминающую лапку животного. — А вы, как понимаю, Корнелиуссен?

— Так и есть. — Он улыбнулся, опустил руки и обвел взглядом окрестности. — Как тебе?

— Вы про Хофьорд? — уточнил я.

— Хорошо у нас тут? — спросил он.

— Потрясающе, — ответил я.

Он повернулся и показал наверх.

— Ты вон там жить будешь, — сказал он, — мы теперь с тобой соседи. Я вот тут живу, видишь? Пойдем посмотрим?

— Пойдемте, — согласился я. — Вы не знаете, мои вещи уже привезли?

Он покачал головой:

— Насколько я знаю, нет.

— Ну, значит, в понедельник привезут. — Я пошел за ним вверх по дороге.

— Я так понял, ты у моего сына учителем будешь, — сказал он, — его Стиг зовут. Так я понял. Он в четвертом классе учится.

— У вас много детей? — спросил я.

— Четверо, — ответил он, — двое дома живут. Юханнес и Стиг. А Туне и Рубен — эти в Тромсё.

Пока мы шли, я смотрел по сторонам. Возле похожего на магазин здания топтались несколько человек. Там же стояла пара машин. А у ведущей наверх дороги, возле ларька, я увидел еще несколько человек — с велосипедами.

Далеко внизу во фьорд зашла шхуна.

Возле гавани кричали чайки.

Больше тишину ничего не нарушало.

— Много здесь народа живет? — спросил я.

— Человек двести пятьдесят, — ответил он, — смотря по тому, считать ли школьников.

Мы остановились перед крашенным черной морилкой домом постройки семидесятых, возле утопленной в стену дверью на первый этаж.

— Вот и пришли, — объявил он, — давай, заходи, там открыто. А ключи я тебе сейчас отдам.

Я открыл дверь, вошел в прихожую, поставил чемоданы и взял у завхоза ключ. Пахло тут так, как в домах, где давно никто не живет. Слабо, почти по-уличному, тянуло сыростью и плесенью. Я толкнул поуприкрытую дверь и оказался в гостиной. Пол там покрывал оранжевый ковролин. Из мебели был темно-коричневый письменный стол и такой же журнальный столик, а еще обитые коричневым и оранжевым кресла и диван, тоже темного дерева. Два больших окна без переплета выходили на север.

— Замечательно, — похвалил я.

— Кухня вон там, — он показал на дверь с противоположной стороны маленькой гостиной, и повернулся: — а там спальня.

Обои на кухне были с рисунком, популярным в семидесятых, — золотым, коричневым и белым. У окна стоял небольшой стол. Рядом — холодильник с маленькой морозилкой. Пластиковая столешница с раковиной сбоку. Серый линолеум на полу.

— Ну и, наконец, спальня, — сказал он и остановился на пороге, а я вошел в комнату. Ковер на полу был темнее, чем в гостиной, обои — светлые, а из мебели имелась лишь низкая, очень широкая кровать из того же материала, что и остальная мебель в квартире. Тиковая или крашенная под тик.

— Отлично! — сказал я.

— Ты постельное белье с собой привез?

Я покачал головой:

— Нет, отправил почтой.

— Мы тебе одолжим, если хочешь.

— Было бы неплохо, — согласился я.

— Схожу тогда сейчас принесу, — сказал он, — а если вопросы будут, хоть какие, так ты заходи. Мы тут гостей не боимся!

— Хорошо, — ответил я, — спасибо большое.

Из окна гостиной я наблюдал, как он идет к своему дому метрах в двадцати от моего.

Моего!

Охренеть, у меня есть квартира!

Я расхаживал по ней, выдвигал ящики и заглядывал в шкафы, а потом вернулся завхоз со стопкой постельного белья. Когда он ушел, я принялся распаковывать немудрящие пожитки, которые привез с собой. Одежда, полотенце, печатная машинка, несколько книг, бумага для печатной машинки. Я передвинул письменный стол к окну, водрузил на него печатную машинку, сдвинул в сторону торшер, положил на подоконник книги и один номер литературного журнала под названием «Окно» — я купил его в Осло и решил подписаться на него. Рядом составил пятнадцать-двадцать кассет, которые привез с собой, а возле стопки бумаги разместился плеер и запасные батарейки.

Обустроив рабочее место, я сложил одежду в шкаф в спальне, убрал пустые чемоданы на верхнюю полку и замер посреди комнаты, не зная, чем еще заняться.

Меня разбирало желание позвонить кому-нибудь, рассказать, как оно тут все, но телефона в квартире не было. Может, выйти поискать телефонную будку?

К тому же я проголодался.

Я видел на улице киоск — может, до него прогуляться?

Тут, по крайней мере, делать точно нечего.

Зайдя в крохотную ванную, куда вела дверь из прихожей, я надел перед зеркалом черный берет. На крыльце я на секунду остановился и посмотрел вниз, на деревню. Одного взгляда было достаточно, чтобы разглядеть здесь всех и вся. Да, тут особо не спрячешься. Шагая по дороге — сверху грунтовой, а внизу заасфальтированной — я ощущал себя прозрачным.

Возле киоска-закусочной топтались несколько подростков лет пятнадцати. Когда я подошел, они умолкли. Не глядя, я прошел мимо, поднялся по ступенькам под навес и подошел к окошку, ярко блестящему в рассеянном, словно повисшем в воздухе свете позднего лета. Окно почти заросло жиром. За стойкой стоял парнишка примерно того же возраста, что и подростки у меня за спиной. На щеке его виднелось несколько длинных черных волосков. Глаза были карие, волосы темные.

— Гамбургер с картошкой и колу, — попросил я, прислушиваясь, не обо мне ли болтают сзади. Но нет. Я закурил и, дожидаясь, принялся расхаживать под навесом. Орудием, смахивающим на совок, паренек зачерпнул резаную соломкой сырую картошку и бросил ее в кипящее масло. Положил на противень гамбургер. До меня доносилось лишь тихое шипенье масла и оживленные голоса за спиной. В домах на острове, отделенном от берега фьордом, загорелись окна. Небо — низкое у берега и поднимающееся ввысь ближе к устью фьорда было сине-серым. Оно слегка подернулось дымкой, но не потемнело.

Тишина не давила, а дарила простор.

Но не нам, — почему-то подумал я. Тишина здесь была такой всегда, задолго до прихода людей, и такой же останется надолго

после того, как они исчезнут. Она по-прежнему будет покоиться здесь, в этой горной чаше, обращенной к морю.

Где, интересно, оно заканчивается? В Америке?

Да, наверное. В Ньюфаундленде.

— Ваш гамбургер. — Парнишка поставил на стойку пенопластовый контейнер с гамбургером, парой салатных листьев, четвертинкой помидора и горкой картошки-фри.

Я расплатился и, подхватив поднос, повернулся к выходу.

— Ты чего, новый учитель? — спросил один из подростков, навалившись на велосипедный руль.

— Да, — ответил я.

— Ты у нас будешь учителем. — Сказав это, он сплюнул и сдвинул бейсболку чуть на затылок.

— Мы в девятом учимся. А вот он — в восьмом.

— Вон оно что, — сказал я.

— Ага. А ты южак, что ли?

— Я с юга, да, — ответил я.

— Ага, понятно. — Он кивнул так, словно я побывал у него на приеме, а теперь прием окончен и мне разрешается уйти.

— Как вас зовут? — поинтересовался я.

— Поживешь — узнаешь, — ответил он.

Это их рассмешило. Я, как ни в чем не бывало, улыбнулся, но, проходя мимо, показался себе глупым. Он вышел победителем.

— А тебя-то как звать? Крикнул он мне вслед.

Я повернул голову, однако останавливаться не стал.

— Микки, — проговорил я, — Микки Маус.

— Да он еще и шутила! — крикнул он.

Съев гамбургер, я разделся и улегся в постель. Было не больше девяти вечера, комнату наполнял свет, какой бывает в пасмурный полдень, и проникающая повсюду тишина усиливала звуки при любом моем движении, поэтому даже несмотря на усталость тем вечером я опять пролежал несколько часов без сна.

Проснулся я посреди ночи оттого, что где-то хлопнула дверь. Сразу после этого в квартире этажом выше послышались шаги. Спросонок я почему-то решил, будто лежу в папином кабинете в нашем доме в Тюбаккене и что это папа ходит там, надо мной. Как меня сюда занесло? — успел подумать я, а после снова провалился в темноту.

Когда я проснулся в следующий раз, то меня охватила тревога.

Где я?

В доме в Тюбаккене? В доме в Твейте? В квартирке Ингве? В студенческом общежитии в Тромсё?

Я сел в кровати.

Сколько бы я ни озирался, взгляду ухватиться было не за что. Предметы вокруг не давали ни малейшей зацепки. Как будто я сползал вниз по отвесной стене.

А потом я вспомнил.

Хофьорд. Я в Хофьорде.

В моей собственной квартире в Хофьорде.

Я снова плюхнулся на кровать и заново прокрутил в голове всю поездку. Затем представил себе деревушку, раскинувшуюся там, за окнами, а в домах — людей, которых я не знаю и которые не знают меня. Внутри всколыхнулось чувство, похожее на ожидание, а еще на страх и неуверенность. Я встал, прошел в ванную и, приняв душ, надел зеленую рубашку из шелковистой ткани и брюки из хлопка, черные и широкие, после чего подошел к окну и посмотрел вниз, на магазин. Надо бы купить продукты для завтрака, но с этим можно было подождать.

На парковке возле магазина было несколько машин. Между ними стояла группка людей. Время от времени из магазина выходил какой-нибудь покупатель с пакетами в руках.

Нет, можно сходить и сейчас.

Я вышел в коридор, накинул пальто, надел берет и обул белые кеды, взглянул на себя в зеркало, поправил берет и вышел из дома.

Небо было таким же теплым и сероватым, как вчера. Горы на противоположном берегу фьорда выросли прямо из воды. В них таилось нечто жестокое, я сразу увидел это, им ни до чего не было дела, ничто не имело для них значения, они словно находились где-то еще и в то же время оставались здесь.

Сейчас на парковке стояли пятеро. Двое пожилых, лет пятидесяти, и трое чуть постарше меня.

Они давно меня заметили, это я знал, иначе и быть не могло. Думаю, незнакомцы в длинных черных пальто здесь в диковинку. Я поднес к губам сигарету и затянулся так глубоко, что фильтр погорячел. По обеим сторонам двери висело два флажка с рекламой газеты «Верденс Ганг». На окне пестрели зеленые и оранжевые рукописные объявления. От группы на парковке меня теперь отделяло метров пятнадцать. Надо ли мне поздороваться? Просто вежливо поприветствовать? Или остановиться поболтать? Сказать, что я новый учитель и состричь по этому поводу?

Один из них посмотрел на меня. Я едва заметно кивнул. Ответного кивка не последовало.

Он что, не видел? Я кивнул совсем слабо, и он принял это за случайный жест? Решил, будто я просто вздрогнул?

Их присутствие меня будто ножом резало. В метре от двери я бросил окурок на землю и наступил на него. Оставить его? Или получится, что я намусорил? Значит, лучше его поднять? Нет, такая избыточная аккуратность, наверное, ни к чему?

Да ну на хрен, еще подбирать его, они же тут рыбаки — уж они-то точно ничего не подбирают!

Я поднял руку и толкнул дверь, взял красную корзинку и пошел вдоль полок. Полная женщина лет тридцати пяти держала в руках упаковку сарделек и что-то говорила девочке — наверное, дочери. Худая и долговязая, та топнула и упрямо посмотрела на мать. По другую сторону от женщины мальчик лет десяти рылся, склонившись, в выложенных на прилавке товарах. Я положил в корзинку цельнозерновой хлеб, пачку кофе «Али» и коробку чая «Эрл Грей». Женщина взглянула на меня и, положив сардельки к себе в корзину, двинулась

в другой конец магазина. Мальчик с девочкой поплелись за ней следом. Я, не торопясь, бродил по магазину и разглядывал товары. В корзинку отправились кусок коричневого сыра, банка паштета и тюбик майонеза. Прихватив еще пакет молока и пачку маргарина, я пошел к прилавку, где полная женщина складывала покупки в пакет, а ее дочка читала объявления возле двери.

Продавец кивнул мне.

— Здравствуйте, — сказал я и принялся выкладывать продукты.

Он был низеньким и крепко сбитым, горбоносим, с широким лицом и тяжелым подбородком, покрытым ковром черной с проседью щетины.

— Ты, наверное, новый учитель? — он вбил цену.

Стоявшая возле доски объявлений девочка обернулась и посмотрела на меня.

— Да, — ответил я, — вчера приехал.

Мальчик потянул девочку за руку, она вырвалась и вышла из магазина. Мальчик пошел за ней, а последней вышла мать.

Апельсины — мне еще нужны апельсины. И яблоки.

Я метнулся к маленькому прилавку с фруктами, сунул в пакет несколько апельсинов, схватил пару яблок и вернулся на кассу, где продавец как раз пробивал последний товар.

— И еще табак «Эвентюр» и бумагу. И «Дагбладет».

— С юга, что ли? — спросил он.

Я кивнул.

— Из Кристиансанна, — сказал я.

В магазин вошел пожилой мужчина в кепке.

— День добрый, Бертиль! — крикнул он.

— Кого я вижу! — продавец подмигнул мне.

Я поспешно улыбнулся, расплатился, сложил покупки в пакет и вышел. Один из стоявших на улице мне кивнул, а я кивнул в ответ и пошел прочь.

Поднявшись на холм, я посмотрел на гору там, где заканчивалась деревня. Она была зеленой, до самой вершины, — это, наверное, больше всего поражало меня

в местных пейзажах: я ожидал, что они будут суровыми и бесцветными, но уж никак не ждал такой ликующей зелени, которую перебивала лишь мощная серая синь моря.

В квартиру я возвращался с удовольствием. Она была первой, которую я мог назвать своей, и самые обыденные действия наполняли меня радостью — например, когда я вешал куртку или убирал в холодильник молоко. Тем летом я, правда, провел целый месяц в небольшой квартирке при психиатрической лечебнице в Эге — мама отвезла меня туда, когда я съехал из дома, где мы провели последние пять лет, но ее и квартирой было не назвать, просто комната в общем коридоре, куда выходят двери других комнат. Там издавна селили бессемейных медсестер, отчего это место величали «Курятником». Так же и работа там была не настоящая работа, а временная, летняя, безо всякой ответственности. И находилась та квартира в Кристиансанне. Чувствовать себя свободным в Кристиансанне я не мог, слишком многое связывало меня там с другими людьми, настоящими и воображаемыми, и потому не позволяло поступать так, как мне хотелось.

«Зато здесь!» — думал я, поднося ко рту бутерброд и глядя в окно. По воде пробежала рябь, и отражение горной гряды распалось на крошечные осколки, словно в калейдоскопе. Здесь никто не знает, кто я такой. Здесь меня ничего не связывает, нет привычных ритуалов, здесь можно поступать, как захочется. На год уйти на дно и писать, втайне создавать что-то. Или успокоиться на время и поднакопить денег. Без разницы. Главное — что я здесь.

Я налил в стакан молока и медленно, большими глотками выпил. Стакан с тарелкой я поставил на столешницу у раковины, и туда же положил нож, а продукты убрал в холодильник. Вернувшись в гостиную, я включил машинку в розетку, надел наушники, запустил музыку на полную громкость и, вставив в каретку лист бумаги, сдвинул ее на середину и напечатал сверху единицу. Посмотрел на дом

завхоза. На крыльце стояли зеленые резиновые сапоги. У стены — швабра с красной щеткой. Среди гравия с песком перед домом виднелись несколько игрушечных машинок. Земля между двумя домами поросла мхом и невысокой травой, из которой торчало несколько чахлых деревьев. Указательным пальцем я отстучал по столу ритм. И напечатал одно предложение. «Габриэль стоял на плато и с недовольным видом оглядывал сверху жилые дома».

Я закурил. Я сварил кофейник кофе. Я посмотрел на деревню, на фьорд и на горы на противоположном берегу. Я напечатал еще одно предложение. «Позади него показался Гордон». Я спел припев. И напечатал: «Он скалился, словно волк». Отодвинув назад стул, я закинул ноги на стол и снова закурил.

А что, неплохо выходит, да?

Я схватил «Райский сад» Хемингуэя и, чтобы проникнуться языком, прочел несколько страниц. Книгу мне подарила Хильда, когда пришла попрощаться на вокзал в Кристиансанне, откуда я уезжал в Осло, чтобы потом улететь в Тромсё. Ларс тоже пришел. И Эйрик, парень Хильды. И Лина там тоже была, она провожала меня до Осло.

Я только сейчас заметил на форзаце дарственную надпись. Хильда написала, что я для нее очень много значу.

Я закурил и, глядя в окно, подумал, как это понимать.

Что я могу для нее значить?

Она замечает меня, об этом я догадывался, но не знал, что именно она во мне видит. Дружить с ней означало принимать ее заботу. Но забота, предполагающая понимание, преуменьшает того, кто ее принимает. Ничего страшного; однако я так чувствовал.

Я был недостойн этого. Я делал вид, будто достоин, и, что удивительно, она купилась, хотя такие штуки понимала с лету. Хильда, единственная из моих знакомых, читала настоящие книги и, насколько мне известно, единственная из всех что-то писала сама. Мы два года проучились в одном классе, и с того самого момента, как я обратил на нее внимание, я отметил ее

ироническое, порой недоверчивое отношение к тому, что говорили учителя. Прежде я не замечал подобного у девочек. Стремление прихорашиваться, их манерность, их деланный инфантилизм вызывали у нее презрение, но ни агрессии, ни злости за ней не замечалось, нет, ничего такого, она была чуткой и заботливой, с добрым сердцем, однако имелась в ней и резкость, нечто странно своевольное, отчего я смотрел в ее сторону все чаще и чаще. Белокожая, с бледными веснушками на щеках и светло-рыжими волосами, худая и наделенная той телесной хрупкостью, которая является противоположностью крепости и в сочетании с менее резким и самостоятельным характером непременно вызывала бы в окружающих желание позаботиться о ней; Хильда, однако, сама проявляла заботу о тех, с кем сблизилась. Она часто ходила в зеленой куртке защитного цвета и простых синих джинсах, что указывало на левые взгляды, но в том, что касалось культуры, она придерживалась противоположного мнения, выступая против материализма и защищая духовное. За внутреннее и против внешнего. Поэтому она высмеивала таких писателей, как Сульстад и Фалдбаккен — его называла «Фаллосбаккен», — и любила Бьёрнебу, Кая Скагена и даже Андре Бьерке.

Я доверялся ей больше, чем кому бы то ни было. Она вообще была мне лучшим другом. Я постоянно ходил к ней в гости, познакомился с ее родителями, иногда ночевал там и ужинал с ними. Все, что делали мы с Хильдой, — иногда наедине, а иногда с Эйриком, — это разговаривали. Сидели по-турецки на полу с бутылкой вина в ее квартирке в цокольном этаже, смотрели, как к окнам подступает темнота, говорили о книгах, которые прочли, обсуждали волнующие нас политические вопросы, рассуждали о том, что ждет нас в жизни, чего нам хочется и на что мы способны. Она относилась к жизни с невероятной серьезностью, не свойственной остальным моим ровесникам, но в то же время много смеялась и никогда полностью не отказывалась от иронии. Мало что нравилось мне больше, чем бывать там, у нее дома, вместе с ней и Эйриком и иногда еще с Ларсом, однако в моей жизни происходили

и другие события, несовместимые с этим, отчего меня непрестанно мучила совесть: тусуясь на дискотеках, клеясь там к девчонкам, я мучился от стыда перед Хильдой оттого, что предаю идеи, которые мы вместе с ней защищаем; а когда я сидел дома у Хильды и болтал с ней о свободе, красоте или смысле всего сущего, то мне было стыдно перед теми, с кем я ходил по дискотекам, или мерзко оттого, что с ними я — другой, потому что двойные стандарты и лицемерие, о которых мы столько разговаривали с Хильдой и Эйриком, прочно обосновались в моем собственном сердце. В политике я придерживался левых взглядов, почти склоняясь к анархизму. Я ненавидел конформизм и стереотипы и, подобно другим христианским пацанам-неформалам, презирал, как и Хильда, христианство и всех тех придурков, кто в него верит и ходит на собрания к своим напыщенным священникам.

Зато верующих девчонок я не презирал. По какой-то удивительной причине именно они меня сильнее всего и цепляли. Как же объяснить это Хильде? И хотя я, как и она, всегда пытался не обращать внимания на оболочку и верить в то, что главное, настоящее и истинное скрыто под ней, хотя я, как и она, всегда стремился обрести смысл, пускай даже для этого надо было признать бессмысленность, — несмотря на это, меня тянуло к блестящей оболочке, красивой и обольстительной, тянуло осушить чашу бессмысленности. Короче говоря, меня тянуло к всевозможным дискотекам и барам, чтобы напиться там до беспамятства и склеить девчонку, с которой можно переспать или, по крайней мере, потискаться. Как же объяснить это Хильде?

Объяснить не получилось бы, вот я и не пытался. Вместо этого в жизни моей появился отдельный участок. Он назывался «Бухло и шанс на трах», и от участка «Осмысленность и искренность» его отделял невысокий заборчик, называемый личностными изменениями.

Лина была верующей. Не вызывающе религиозной, но все-таки, и от ее присутствия тогда на вокзале, рядом со мной, мне сделалось неловко.

Кудрявая брюнетка с темными бровями и ясными голубыми глазами, она отличалась грацией движений и обладала той редко встречающейся независимостью характера, которая не отталкивает окружающих. Она любила рисовать, часто рисовала и, видимо, имела к тому талант. Проводив меня, она собиралась поступать в народный университет на искусствоведение. Влюблен в нее я не был, но она была чудесная, очень мне нравилась и порой, когда мы выпивали белого вина, во мне загорались к ней чувства. Сложность была в том, что она четко знала, насколько далеко ей следует заходить. За те недели, что мы встречались, я дважды умолял ее — мы тогда лежали, полуголые, в кровати у нее дома или в моей комнате в Курятнике. Но нет, не для меня она себя берегла.

— Тогда давай сзади, что ли! — в отчаянии выпалил я, не до конца понимая, что это означает. Лина прильнула ко мне своим тоненьким телом и закрыла мне рот поцелуем. Несколько секунд — я ощутил ненавистную судорогу в паху, трусы промокли от спермы, и я отстранился от Лины, а та, полная дразнящего желания, не осознавала, что за миг настроение у меня совершенно переменялось.

На перроне она с маленьким рюкзачком на спине стояла рядом со мной, сунув руки в задние карманы брюк. До отправления поезда оставалось шесть минут. Мимо нас в вагон то и дело заходили пассажиры.

— Я до киоска добегу, — сказала она, взглянув на меня, — тебе взять чего-нибудь?

Я покачал головой:

— Хотя да. Колу.

Она поспешила к киоску «Нарвесен». Хильда посмотрела на меня и улыбнулась. Ларс опустил глаза. Эйрик уставился вдаль, на порт.

— Сейчас, когда ты собрался в одиночное плаванье, — он обернулся ко мне, — я дам тебе совет.

— Ну? — сказал я.

— Думай, прежде чем делать. Старайся, чтобы тебя не застучали. И тогда все будет хорошо. Если, например, захочешь,

чтобы кто-нибудь из учениц тебе отсосал, пускай, ради всего святого, под стол спрячется. Ясно?

— А это не двойная мораль? — спросил я.

Он рассмеялся.

— И если ты там себе девушку заведешь и будешь ее поколачивать, то бей по тем местам, где синяков не видно, — добавила Хильда, — и ни в коем случае не по лицу, даже если очень захочется.

— По-твоему, мне сразу две нужны? Что одна тут, а вторая — там?

— А почему бы и нет?

— Одну будешь бить, а другую нет, — сказал Эйрик. — Для равновесия лучше не придумаешь.

— Еще советы? — поинтересовался я.

— Я как-то смотрел по телеку интервью с каким-то старым актером, — сказал Ларс, — его спросили, есть ли у него в жизни такой опыт, которым он хотел бы поделиться со зрителями. Он сказал, что да, есть. Душ в ванной надо вешать так, чтобы лилось точно в ванну. А не то весь пол зальешь.

Мы засмеялись. Ларс с довольным видом огляделся. Из-за его спины показалась Лина. Она вернулась ни с чем.

— Там очередь была, — сказала она, — но в поезде есть буфет.

— Есть, — кивнул я.

— Пошли?

— Ладно, — согласился я, — как говорит Флекснес², вот и ладушки. Хватит с меня этого вашего Кристиансанна!

Они по очереди обняли меня. Эту традицию мы завели во втором классе гимназии — каждый раз, встречаясь, мы обнимались.

Потом я закинул на спину рюкзак, подхватил чемодан и следом за Линой вошел в вагон. Они помахали мне, а потом поезд тронулся и они побрели к парковке.

Почти не верилось, что это было всего два дня назад.

Я отложил книгу и, свернув еще одну самокрутку и отхлебнув холодного кофе, перечитал три написанных предложения.

Машин возле магазина стало меньше. Я сходил на кухню за яблоком и снова уселся за письменный стол. За следующий час я написал три страницы. В них говорилось о двух пареньках из поселка, и, насколько я мог судить, получалось неплохо. Наверное, еще страницы три — и можно заканчивать. А что, хорошо — в первый же день я здесь написал целый рассказ. В таком темпе у меня к Рождеству целый сборник наберется!

Поднявшись, чтобы выбросить гущу из кофейника, я увидел, как по ведущей от магазина дороге едет машина. Она остановилась возле дома завхоза, и из нее вышли двое мужчин лет двадцати пяти. Оба крепкие, но один высокий, а второй пониже и поплнее. Я взял кофейник, наполнил его водой из-под крана и поставил на плиту. Мужчины поднялись к дому. Чтобы они меня не заметили, я шагнул в сторону.

Возле входа шаги стихли.

Они что, ко мне пришли?

Один что-то сказал другому, и тишину в квартире разбил звонок.

Я вытер руки о штаны, прошел в коридор и открыл дверь.

Тот, что пониже, протянул руку. Лицо у него было квадратное, подбородок тяжелый, рот маленький, а глаза хитрые. Над верхней губой — темные усы, на щеках — щетина. На шее — толстая золотая цепочка.

— Реми, — представился он.

Я растерянно пожал ему руку.

— Карл Уве Кнаусгор, — сказал я.

— Франк, — представился высокий и тоже протянул мне огромную лапищу. Если у первого лицо было квадратным, то у этого круглым. Круглым и мясистым. Толстые губы, царапины, почти розовая кожа. Жидкие светлые волосы. Он походил на ребенка-переростка. И глаза добрые, прямо как у ребенка.

— Пригласишь войти? — спросил тот, которого звали Реми, — ты тут, говорят, один сидишь, вот и решили тебе компанию составить. Ты ведь пока в деревне никого не знаешь.

— Ой, — сказал я, — очень мило. Проходите!
Я отошел в сторону. Мило! Что за херню я несу? Мне что, пятьдесят лет?

Они вошли в гостиную и огляделись. Реми закивал.

— Тут в прошлом году Харрисон жил, — сказал он.

Я взглянул на него.

— Он до тебя учителем работал, — пояснил он, — мы сюда часто приходили. Он клевый был.

— Очень прикольный, — поддакнул Франк.

— Никогда не отказывал, — сказал Реми.

— Мы по нему дико скучаем, — добавил Франк, — можно сесть?

— Да, конечно! — сказал я, — хотите кофе? Я уже кофейник поставил.

— Кофе? Да, спасибо.

Они сняли куртки, положили их на подлокотник и уселись на диван. Туловища у них смахивали на бочки. Руки у Франка были такие же толстые, как мои ноги. Даже повернувшись к гостям спиной, я ощущал их присутствие, оно наполняло всю квартиру, отчего я чувствовал себя слабым и по-девичьи субтильным.

«Очень мило». «Хотите кофе».

Да что ж за херня, чашек-то у меня нет! Только та, что я с собой привез.

Я открыл шкафчик над плитой. Разумеется, пусто. А потом открыл дверцу снизу. Там, рядом со сливным шлангом, стоял стакан. Я ополоснул его, насыпал кофе в кофейник, легонько постучал им о плиту и вынес в гостиную. И огляделся, выискивая, на что бы его поставить.

Ладно, пускай будет «Райский сад».

— Ну чего? — спросил Реми, — чего скажешь, Карл Уве?

От фамильярности, с которой этот незнакомый человек назвал меня по имени, мне стало не по себе и щеки запылали.

— Да я не знаю... — ответил я.

— Мы сегодня на тусу собираемся, — сказал Франк, — в Грюллефьорд. Поедешь с нами?

— У нас в одной машине есть место свободное, и мы знаем, что в алкошоп ты сходить не успел, но у нас и на тебя выпивки хватит. Ну, чего скажешь?

— Даже не знаю, — проговорил я.

— Ну ты че, хочешь в пустой хате сидеть и по клавишам долбить?

— Да пускай сам решает! — вступился Франк.

— Да-да, ясное дело.

— Я поработать хотел, — сказал я.

— Поработать? Это чего делать-то? — спросил Реми, но тут заметил пишущую машинку. — Ты чего-то пишешь?

Щеки опять погорячели.

— Немного. — Я пожал плечами.

— Ого, да ты писатель! — воскликнул Реми, — ниче себе. — Он расхохотался. — Я за всю жизнь ни одной книжки не прочел. Даже когда в школу ходил. Вообще подальше от них держался. А ты? — он посмотрел на Франка.

— Я кучу прочел. Такие книжки, где про то, как коктейли делать.

Оба громко расхохотались.

— Это считается? — Реми посмотрел на меня. — Ты ж писатель. Такие книжки, где выпивку делать учат, — это литература?

Я растянул губы в улыбке.

— Книга — она и есть книга, — ответил я.

Они помолчали.

— Ты, слышал, из Кристиансанна? — спросил Франк.

Я кивнул.

— У тебя там телка есть?

Я чуть подумал.

— И да, и нет, — сказал я.

— И да, и нет? Это уже интересно! — обрадовался Реми.

— Прямо для тебя вариант, — Франк посмотрел на Реми.

— Для меня? Ну не. У меня они либо есть, либо нет.

Они снова умолкли и отхлебнули кофе.

— А дети у тебя есть? — поинтересовался Реми.

— Дети? — переспросил я. — Какие на хрен дети, мне всего восемнадцать!

Наконец-то реплика в тему.

— Вообще-то в жизни и такое бывает, — сказал Реми.

— А у вас что, дети есть? — спросил я.

— У Франка нету. А у меня есть. Сын. Девять лет. Со своей матерью живет.

— С ней у Реми было «либо есть», — встрял Франк.

Они засмеялись. А после оба посмотрели на меня.

— Ладно, чего мы его прямо в первый день достаем, — сказал Реми и поднялся. Следом за ним поднялся и Франк. Они взяли куртки и вышли в коридор.

— Ты про тусу подумай, — сказал Реми. — Мы у Хеге будем — на случай, если передумаешь.

— Да он же не знает, где Хеге живет, — сказал Франк.

— По верхней дороге поднимешься, а там четвертый дом слева. Сам увидишь. Рядом с домом машин будет много. — Он протянул руку: — Давай, приходи. Спасибо за кофе!

Когда дверь за ними закрылась, я пошел в спальню и, улегшись на кровать, вытянул руки и ноги и прикрыл глаза.

К дому подъехала машина. И остановилась.

Я открыл глаза. Опять гости?

Нет. Где-то хлопнула дверь. Это мои соседи, кто бы они ни были, вернулись домой. Может, ездили в Финнснес за покупками.

Ох, как же меня тянуло позвонить и поговорить с кем-нибудь из знакомых!

Еще хотелось спать — уснуть, чтобы оказаться подальше от всего, но не получалось. Вместо этого я пошел в ванную, разделся и снова принял душ. Эдакий способ обмануть себя, заставить поверить, будто затевается что-то новое. Спать, конечно, лучше, но и душ неплохо. С мокрой головой и в липнувшей к спине рубашке я сел и продолжил писать. Двое подростков бродили по лесу. Они боялись лис. Каждый сжимал в руке пистолет, стреляющий пистонами, чтобы, если лисы появятся, отпугнуть их. Внезапно они услышали выстрелы. Они